

ственные силы; но рискуя навлечь на себя ихъ порицанія, мы, въ собственныхъ ихъ интересахъ, не рѣшаемся скрыть

ПЪВЗДКА ВЪ САМАРКАНДЪ.

Отъѣздъ изъ Ташкента. — Отъ Ташкента до Ходжента. — Зачирчикскій Край. — Туземный экипажъ (арба) и его несомнѣнные достоинства. — Переправа черезъ Сыр-Дарью. — Городъ Ходжентъ и его достопримѣчательности. — Отъ Ходжента до Ура-Тюбе. — Ура-Тюбе. — Дороги отъ Ура-Тюбе до Джзака. — Очеркъ сельскаго хозяйства въ Средней Азій. — Средства продовольствія у туземцовъ. — Среднеазиатская деревня. — Джзакъ. — Отъ Джзака до Самарканда. — Желин-утинское ущелье. — Міанкальская долина. — Чепан-атинскія высоты. — Туземная игра въ кок-бари. — Общій видъ Самарканда. — Предметы торговли. — Русскіе въ Самаркандѣ.

Быть въ Средней Азій и не видѣть Самарканда — все равно, что быть въ Римѣ и не видѣть папы. Но какъ легко видѣть папу, находясь въ Римѣ, такъ не легко видѣть Самаркандъ, находясь, положимъ, хотъ въ Ташкентѣ. Однако, всѣмъ извѣстенъ афоризмъ, что чѣмъ труднѣе достиженіе цѣли, тѣмъ она заманчивѣе. Неопредѣленные, смутныя представленія, составленные еще въ дѣтствѣ о тимуровой столицѣ, откуда грозный завоеватель колебалъ полміра, желаніе видѣть центръ исламитской мудрости и цивилизаціи, какимъ является Самаркандъ въ настоящее время, разнорѣчивыя свидѣтельства и показанія о священномъ мусульманскомъ городѣ людей, тамъ бывавшихъ и еще больше разжигавшихъ мое любопытство — все это съ неудержимою силою влекло меня туда. Наконецъ, счастливый и довольный, подобно мусульманину, отправляющемуся въ Мекку, я, въ началѣ ноября, выѣхалъ изъ Ташкента, по почтовой дорогѣ, на Ходжентъ. Переправившись съ трудомъ, верстахъ въ 10-ти отъ Ташкента, черезъ нѣсколько рукавовъ быстрого Чирчика, я выѣхалъ въ болотное дефиле, тянущееся верстъ 20, мѣстами разступающееся и образующее поляны, занятая рисовыми плантаціями. Путь этотъ вплоть до Той-Тюбе, уѣзднаго города Кураминскаго Уѣзда, изрѣзанъ арками (оросительными канавами), черезъ которыя, однако, проложены воздушные мостики. Въ дождливое время года дорога эта дѣлается въ высшей степени грязною и почти непроходимую. Пересѣчный характеръ мѣстности продолжается еще верстъ на 40 до предгорій высокаго каменистаго хребта Курама-тау. Все это пространство весьма населено и составляетъ такъ-называемый Зачирчикскій Край, по сво-

тѣемъ въ исторіи славянства, благотворныя послѣдствія котораго признаются те-

ему хлѣбородію, справедливо называемый житницею Ташкента и всей Сыр-Дарьинской Области. Кишлаки (деревни) съ обработанными полями идутъ непрерывною полосой вдоль по теченію почти параллельныхъ рѣкъ Чирчика, Ангрена и Каджигена, впадающихъ въ Сыр-Дарью. Наилучшій способъ путешествія въ этомъ краѣ есть туземная арба, въ чомъ мнѣ пришлось удостовѣриться собственнымъ опытомъ, потому что на второй же станціи отъ Ташкента лошади разнесли мой тарантасикъ, и я, спасшійся какимъ-то чудомъ, волей-неволей, долженъ былъ пересѣсть на двухколесную телегу, напоминающую фараонову колесницу. Сначала я подступалъ къ ней съ недоувѣріемъ, но потомъ такъ освоился и привыкъ къ ней, что считаю долгомъ сказать о ней нѣсколько похвальныхъ словъ. Экипажъ этотъ неподобно приспособленъ къ среднеазиатскимъ дорогамъ: высокія колеса его (сажень и болѣе въ діаметрѣ) и широкій ходъ дѣлаютъ то, что, вопервыхъ, арба удобно преодолеваетъ арьи, встрѣчающіеся на каждомъ шагу и употребляемыя для орошенія полей, садовъ и огородовъ; вовторыхъ, не вязнетъ въ грязи, которая въ Средней Азій весьма обильна въ теченіи всѣхъ зимнихъ мѣсяцовъ; втретьихъ, устойчива при переправахъ черезъ быстрыя горныя рѣки, въ которыхъ русскіе экипажи опрокидываются, и вчетвертыхъ, устойчива при переѣздѣ по косягорамъ, рывинамъ и выбоинамъ, также весьма часто попадающимся при неустойчивости и, можно сказать, первобытности азиатскихъ дорогъ. Возница обыкновенно садится верхомъ на коренной лошади и упирается ногами въ оглобли, чѣмъ устраняется подыманіе лошади вверхъ.

Послѣ перевала черезъ предгорья Курама-тау, дорога становится положительно хорошею во всякое время года, потому что песчано-каменистый грунтъ образуетъ родъ естественнаго шоссе. Зато дорога пролегаетъ по мѣстности совершенно незаселенной; съ лѣвой стороны ее сопровождаетъ каменистый хребетъ Курама-тау, а съ правой тянутся пустыри, поросшіе бурьяномъ. Верстахъ въ 20-ти отъ Ходжента, дорога проходитъ черезъ ущелье и, затѣмъ, огибаетъ также каменный хребетъ Могол-тау, тянущійся съ правой стороны и подходящій къ самому Сыру. Переправа черезъ Сыръ у Ходжента происходитъ на казенномъ, отдаваемомъ съ торговъ, паромѣ, причомъ паромъ вдоль бе-

медленнаго усвоенія его, въ настоящее время, непреодолимымъ препятствіемъ слу-

рега тащатъ люди, а въ самой рѣкѣ лошади, которыя плывутъ, усердно подгоняемыя нагайками. Вообще, на этой переправѣ возни много и одинаково много достается какъ людямъ, такъ и лошадямъ. На противоположномъ, лѣвомъ берегу, примыкая къ самому берегу, весь потонувшій въ садахъ, лежитъ Ходжентъ.

Ходжентъ — одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Средней Азіи. Находясь на перепутьи четырехъ дорогъ: въ Ташкентъ, Коканъ, Самаркандъ и Балхъ, онъ имѣлъ всѣ данныя для своего развитія. Эта выгода центральнаго положенія еще искони привлекла сюда жителей Ходжента, такъ что время основанія его теряется въ самой глубокой древности. Преданіе современниковъ постройки города приписываетъ даже старшей дочери Адама, называвшейся Ходженда и давшей, вмѣстѣ съ тѣмъ, городу и свое имя. О глубокой древности Ходжента свидѣлствуютъ также многочисленныя слѣды построекъ, находимыхъ въ окрестностяхъ города, совершенно занесенныхъ землею и случайно раскапываемыхъ. Думаютъ, что здѣсь была нѣкогда греческая колонія, основанная Александромъ Македонскимъ. Здѣсь сохранилось также множество преданій о первыхъ временахъ мусульманства. Верстахъ въ пяти отъ города, за Дарьей, въ предгоріяхъ Могол-тау, показываютъ огромное дерево (изъ породы сауровъ), къ которому Али, зять Мохамеда, будто бы, привязывалъ свою бѣлую лошадь, полученную имъ въ наслѣдство отъ пророка. Рассказываютъ также, что лошадь эта часто бѣгала въ горы Могол-тау, которыя были покрыты тогда густою и сочною зеленью. Али, принужденный постоянно отыскивать свою лошадь, просилъ Бога, чтобъ онъ отучилъ ее удалаться и избавилъ его отъ поисковъ. Богъ выслушалъ молитвамъ зятя пророка, и вотъ однажды произошло землетрясеніе, вслѣдствіе котораго поверхность горъ перевернулась травой внизъ, а камнемъ вверхъ. Съ тѣхъ поръ Могол-тау представляется въ видѣ бурныхъ каменныхъ массъ, чуждыхъ всякой растительности. Въ этомъ преданіи очевиденъ намѣкъ на геологическую катаклизму, весьма возможную въ этомъ краѣ, стоящемъ на вулканической почвѣ. Могол-тау имѣетъ до 4,000 футовъ надъ уровнемъ моря, и точно неприступную стѣною защищаетъ Ходжентъ съ сѣвера. Съ южной стороны, верстахъ въ 75, тянется гораздо болѣе

болѣе вѣроятными въ глазахъ публики. Не касаясь, до времени, разбора и оцѣнки сооб-

высокій, снѣговой хребетъ, дѣлающій климатъ въ Ходжентѣ не жаркимъ, несмотря на довольно южное положеніе города. Сверхъ того, городъ имѣетъ еще значительное возвышеніе надъ поверхностью моря, именно до 700 ф.

Красоту города составляютъ исключительно его сады; въ остальномъ онъ сходствуетъ со всѣми другими азіатскими городами. Грязи на улицахъ, правда, нѣсколько меньше, потому что грунтъ каменистый. Сколько-нибудь замѣчательныхъ зданій не имѣется: есть двѣ-три медресе, сложенные изъ жженого кирпича; мечеть съ мазаромъ (гробницею) въ честь Шейх-уль-Маслях-Эдина, мечети Товбаба-ханъ и Хазрети-баба также съ мазарами, сооруженными лѣтъ за 650 назадъ, интересны только для правовѣрныхъ, по святости лицъ, въ мазарахъ погребенныхъ.

Въ городѣ два базара: большой и малый. Въ базарные дни стеченіе народа изъ окрестностей огромное, но торговля не очень значительна: Ходжентъ, это какъ бы только перепутье для каравановъ, слѣдующихъ изъ разныхъ концовъ Азіи. Сыр-Дарья нисколько не содѣйствовала процвѣтанію города, какъ и вообще всѣ рѣки въ Азіи, которыя для азіатцевъ служили скорѣе помѣхою торговлѣ, нежели благопріятствующимъ средствомъ. Да и самый городъ Ходжентъ примкнулъ къ Дарьѣ только сравнительно въ недавнее время: прежде онъ находился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки. Замѣчательность города составляетъ однообразіе населенія, не встрѣчающееся въ другихъ средне-азіатскихъ городахъ, а именно, основу составляютъ таджики, затѣмъ, побѣдители—узбеки. Евреевъ весьма мало. Сравнительно, большая чистота населенія способствовала къ поддержанію въ немъ духа самостоятельности и независимости, съ которыми ходжентцы отстраняли отъ себя чужеземное вмѣшательство. Русское населеніе живетъ здѣсь отдѣльною слободкою, которая выходитъ на самую Дарью, и хотя всего только два года прошло съ того времени, какъ русскіе поселились здѣсь, однако, успѣли довольно. Выстроены двѣ значительныя фабрики (шелково-мотальныя) и одинъ заводъ; а въ окрестностяхъ, въ горахъ, найдено множество минеральныхъ богатствъ, которыя уже начали разрабатываться и, нѣтъ сомнѣнія, современемъ дадутъ обильную жатву.

Не-сти на сеймъ представительство отъ крестьянскаго сословія; каждый приходъ долженъ

Изъ Ходжента почтовая дорога перемѣняетъ свое направленіе, круто поворачивая къ западу, и до крѣпостцы Нау (верстахъ въ 25-ти отъ Ходжента) идетъ вдоль лѣваго берега Сыр-Дарьи. Мѣстечко Нау замѣчательно тѣмъ, что жители его занимаются въ обширныхъ размѣрахъ обработкою рисовыхъ плантацій. Значительный городокъ Ура-Тюбе, отстоящій отъ Нау въ 40-хъ верстахъ, есть послѣдній пунктъ, до котораго устроено нами почтовое сообщеніе. Отсюда, хотя и можно еще съ грѣхомъ пополамъ проѣхать на почтовыхъ лошадяхъ въ одну упряжку до маленькой крѣпостцы Заamina (57 верстъ), но гораздо благоразумнѣе нанимать здѣсь постоянного возничаго, который и доставитъ вашу особу уже прямо въ Самаркандъ. Но такъ какъ изъ Ура-Тюбе до Самарканда ранѣе, какъ на четвертые сутки, доѣхать нельзя, то есть еще достаточно времени для ознакомленія, какъ съ Ура-Тюбе, такъ и съ краемъ, по которому ѣхать придется. Ура-Тюбе имѣетъ до 4,000 жителей, весьма растянутъ и расположенъ въ живописной мѣстности. Съ юга, верстахъ въ 45-ти, тянется громадный снѣговой хребетъ, называемый у туземцовъ Чунхор-хана, а на картахъ Кашгар-Даванскимъ, терасообразно спускающійся до самаго города. Городъ лежитъ у входа въ Басмандинское ущелье и окруженъ со всѣхъ сторонъ холмами. На одномъ изъ нихъ выстроена бухарцами цитадель, которая въ другихъ рукахъ была бы совершенно недоступною. Бухарцы же покинули ее, лишь только русскіе взяли крѣпостную ограду и вступили въ городъ. Посреди города протекаетъ не глубокой горный ручей, замѣчательный тѣмъ, что временами (лѣтомъ и весною) сильно разливается и сноситъ городскія постройки; такъ, въ послѣднюю весну было снесено двадцать-четыре лавки. Но это, кажется, мало беспокоитъ жителей, потому что никакихъ приспособленій для отвращенія бѣды они не дѣлаютъ: вѣроятно, ожидаютъ и въ этомъ дѣлѣ начинанія со стороны русскихъ.

Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю (по средамъ и по воскресеньямъ); народъ стекается въ огромномъ числѣ и даже изъ мѣстностей отъ насъ независящихъ, какъ-то: изъ Мочи, Каратеина, Урмитана и др. городовъ. Городъ этотъ назывался и называется иногда Ора-Тепе, что въ переводѣ съ туземнаго означаетъ *разбойничьи холмы*. Названіе

1865 года и пересмотрѣннаго въ Вѣнѣ 9-го (21-го) іюля 1868 года, къ употребленію въ

это произошло вслѣдствіе независимаго характера жителей, горная родина которыхъ позволяла парировать удары сосѣднихъ ханствъ, бухарскаго и коканскаго, и только иногда номинально признававшихъ власть того или другого, но на дѣлѣ всегда остававшихся непокорными и вѣчно враждебными. Ура-Тюбе городъ весьма древній, о чемъ можно судить по историческимъ памятникамъ, хотя и не многочисленнымъ, которыхъ всего только два, именно: мечеть, построенная, какъ говоритъ преданіе, по приказанію Тимура, и медресе, выстроенное лѣтъ за триста назадъ. Оба памятника уже на половину развалились, но, тѣмъ не менѣе, въ нихъ живутъ еще муллы.

Положеніе этого пункта надъ поверхностью моря весьма значительно, такъ что, хотя городъ лежитъ почти на одной паралели съ Ходжентомъ, но фрукты созрѣваютъ въ немъ двумя недѣлями позже; а вслѣдствіе близости снѣгового хребта, климатъ вообще весьма умеренный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здоровый. Хлѣбопашество и огородничество сильно развиты. По преимуществу засѣвается пшеница и ячмень. На лѣто жители оставляютъ городъ и переселяются въ сады, тянущіеся верстъ на пятнадцать. Русское населеніе здѣсь состоитъ изъ одного гарнизона, и торговли русской пока не существуетъ вовсе.

Отъ Ура-Тюбе до Джзака существуютъ двѣ дороги: одна officialная, около 112-ти верстъ, на крѣпостцу Зааминъ, другая отдѣляется отъ первой верстахъ въ 35-ти и идетъ на мѣстечко Ямъ. Эта послѣдняя дорога прямѣе, ровнѣе и лучше, но зато проходить по мѣстамъ незаселеннымъ. Первая же, напротивъ, идетъ, по большей части, вдоль холмистой гряды, за которою высится громадный, почти круглый годъ покрытый снѣгомъ хребетъ. У подошвы и на скатахъ холмовъ, верстахъ въ 2—3-хъ, влѣво отъ дороги, разсыпаны кишлаки. Мѣстность по сторонамъ дороги довольно хорошо воздѣлана и обработана. Во время моего проѣзда (въ половинѣ ноября) населеніе занималось запашкою и посѣвомъ озимаго хлѣба. Дни стояли еще до того жаркіе, что рабочіе въ полѣ снимали съ себя рубашки; но зато ночи и особенно утра были въ такой степени холодны, что я долженъ былъ облекаться во весь запасъ зимняго платья.

На всемъ пространствѣ отъ Ташкента до Самарканда, какъ и вообще во всей Средней

Азіи, сельское хозяйство ведется одинаково. Землю пахутъ паромъ быковъ, для которыхъ ярмомъ служитъ длинное бревно (саж. 1¹/₂), съ веревками на концахъ. Бревно кладется на шею быкамъ и привязывается веревками; затѣмъ, къ бревну привязывается, болѣе или менѣе, длинная клюка, съ желѣзнымъ наконечникомъ, въ родѣ великорусской сохи, и изображающая плугъ. Бороненіе производится легкою деревянною бороною, на которую становится самъ погонщикъ, и въ которую впрягается лошадь или быкъ.

Недостатокъ разрыхленія почвы пополняется пригаціею полей, что весьма усложняетъ хлѣбопашество и служитъ причиною недостаточности его развитія, такъ что жители всей Средней Азіи болѣе предпочитаютъ заниматься садоводствомъ и огородничествомъ. Плоды (и по преимуществу дыни и арбузы) служатъ здѣшнему населенію пропитаніемъ въ продолженіи павбольшей части года. Въмѣсто хлѣба жители употребляютъ пшеничныя лепешки, въ различныхъ мѣстахъ различающіяся только величиною діаметра. Изъ рису готовится любимое кушанье туземцовъ—пилавъ (палау), который ежедневно могутъ ѣсть одни богатые; бѣдные же только по праздникамъ. Баранина, служащая всегда приправою къ пилаву (куда кладется еще и морковь), но употребляемая и на шашлыкъ (жареное на вертелѣ), также составляетъ роскошь, рѣдко позволяемую простонародьемъ. Вообще на сколько азіатцы замѣчательно мало ѣдятъ, на столько они замѣчательно много пьютъ, и зеленый чай (чрезвычайно возбуждательнаго свойства) расходуется у нихъ въ громадномъ количествѣ. Изъ хмѣльныхъ напитковъ, бузу (отваръ проса) и слегка охмѣляющій кумысъ (перебродившее кобылье молоко) употребляютъ въ небольшомъ количествѣ. До бузы и кумыса страшные охотники киргизы. Отсюда читатель видитъ, какъ неприхотлива и неразнообразна кухня среднеазіатцевъ. Изъ злаковъ заѣвается ими только четыре рода, а именно: пшеница, рисъ, просо (почти исключительное пропитаніе кочевниковъ) и ячмень. Ячмень употребляется больше для корма лошадей, замѣняя нашъ овесъ; южнѣе же Сыр-Дарьи и Заръавшана, вмѣсто ячменя, заѣвается джугара.

Молотбы въ Средней Азіи не существуетъ, а для отдѣленія зерна отъ стебля разбрасываютъ злаки по землѣ и, сѣвъ верхомъ на верблюда, лошадь, или корову, топчутъ ихъ. Храненіе зеренъ производится въ довольно глубокихъ колодцахъ, вырываемыхъ возлѣ кишлаковъ: насыпавъ зерна въ колодцы, по-

крываютъ ихъ соломомъ и потомъ землею. Вѣтряныхъ мельницъ нѣтъ вовсе, а употребляются водяные, въ родѣ хлѣвчиковъ. Колесо составляютъ четыре досечки, придѣланныя крестообразно (попарно) къ горизонтальной оси. Къ оси придѣлываются, кромѣ привода къ жернову, еще двѣ ступы, такъ что водяная мельница, въ то же самое время, и толчетъ для проса.

Солома, служащая для корма скота, высокими стогами скидывается на плоскія крыши саклей, такъ что кишлакъ походить съ виду на задворки и загоны для скота въ нашихъ селеніяхъ. Внѣшній видъ среднеазіатской деревушки въ высшей степени грустный и непривлекательный: здѣсь домики не глядятъ на васъ привѣтливо своими окнами и не манятъ гостепріимно въ свои двери. Въмѣсто воротъ, здѣсь пробивается въ глиняной стѣнѣ маленькая лазейка, сквозъ которую чуть не ползкомъ проходятъ во внутренность двора и, затѣмъ, въ хлѣва, именуемые домами (саклями). Отсутствіе печей, оконъ и мѣбели (которыхъ не существуетъ даже во дворцахъ хановъ) дѣлаетъ сходство саклей съ хлѣвомъ поразительнымъ. Сакля отличается отъ хлѣва только тѣмъ, что на землѣ въ ней растилается войлокъ. Грязь и бѣдность обстановки въ жилѣ вполне объясняетъ причину многихъ накожныхъ болѣзней, составляющихъ отличительную принадлежность среднеазіатцевъ и жестоко преслѣдующихъ ихъ. Рѣдко встрѣтишь лицо, неносящее на себѣ слѣдовъ язвы. Трудно себѣ представить, что было бы съ населеніемъ, еслибъ оно, при грязной своей обстановкѣ, не соблюдало еще предписаннаго пророкомъ частаго ежедневнаго омовенія. Я полагаю даже, что и другія болѣзни, внутреннія, происходятъ отъ валовой неопрятности жителей. Скученность населенія въ нѣкоторыхъ пунктахъ, полное непониманіе въ соблюденіи разныхъ гигиеническихъ условій относительно чистоты воздуха и воды, порождаютъ вредныя міазмы, служащія причиною разныхъ болѣзней.

Въ такомъ положеніи, между прочимъ, находится и Джзакъ, еще недавно бывшій важнѣйшею крѣпостью бухарцевъ, запиравшею входъ въ Желан-утинское ущелье. Существуетъ преданіе, что городъ этотъ, по причинѣ многоразличныхъ болѣзней, преслѣдующихъ жителей, еще Тамерланомъ названъ былъ Дузакомъ, т. е. адомъ. Отсюда уже произошло и настоящее его имя. Русскіе, по взятіи Джзака, расположились-было въ бухарской крѣпости; но отравляющее вліяніе р

джзакскаго воздуха принудило ихъ выселиться версты за три за городъ, прямо къ подошвѣ горъ и ко входу въ ущелье. Образовавшаяся такимъ способомъ русская слободка названа *Ключевымъ*, во первыхъ, отъ ключей, находящихся вблизи, въ горахъ, а во вторыхъ, въ переносномъ смыслѣ, отъ того, что Джзакъ считали ключомъ къ среднеазиатской торговлѣ, когда брали его. Несмотря, однакожь, на важность торговаго положенія Джзака, торговля его весьма ничтожна и, быть можетъ, разовьется только теперь, съ прибытіемъ сюда русскихъ. Замѣчательно, что въ русской слободкѣ большинство лавочекъ принадлежитъ туземцамъ, послѣдовавшимъ сюда за русскими.

Отъ Джзака до Самарканда дорога принимаетъ южное направленіе и идетъ сперва, на протяженіи версты 20-ти, по Желан-утинскому ущелью. Ущелье извивается точно змѣя; отсюда и его названіе (Желанъ—значитъ змѣя). Вдоль ущелья проходитъ не быстрый ручей, не быстрый потому, что подошва ущелья довольно ровная и не имѣетъ замѣтной покатости. Дорога по ущелью весьма удобна во всякое время года *). Горы, образующія проходъ, хотя невысоки, но, будучи каменисты, круты; верстахъ въ 12-ти отъ Ключевого, каменные громады сдвигаются весьма близко и образуютъ какъ бы естественныя ворота, носящія названіе Тамерлановыхъ. На правой стѣнѣ высѣчена надпись на арабскомъ языкѣ, а въ лѣвой—обращаетъ на себя вниманіе пещера, кишашая змѣями. Выходъ изъ ущелья замыкался у бухарцовъ и потомъ у насъ крѣпостцею Яны-Курганомъ. Со взятіемъ Самарканда, эта крѣпостца оставлена нами, а взамѣнъ ея устроено укрѣпленіе на Каменномъ Мосту, верстахъ въ 35-ти отсюда и верстахъ въ 37-ми отъ Самарканда.

Мѣстечко Каменный Мостъ (Таш-Купрюкъ) получило свое названіе отъ ничтожнаго моста черезъ глубокой водяной оврагъ, моста, въ которомъ присутствіе камня (т. е. сжогнаго кирпича), даже замѣтить трудно. Расположеніе здѣсь маленькаго русскаго укрѣпленія соображено и выполнено весьма удачно.

Пространство отъ Джзака до Каменнаго Моста и далѣе еще версты девять весьма пустынно; мѣстность возвышена и волниста; но, спустясь въ долину рѣки Заръавшана, мѣстность сразу мѣняется: вы идете непрерывною цѣпью садовъ, огородовъ, обработанныхъ полей и деревушекъ, или, правильнѣе, полумызковъ.

*) За исключеніемъ, впрочемъ, періодовъ, когда ручей разливается.

Это и есть та знаменитая долина Міанкаль, которая тянется широкою, почти круглой годъ зеленѣющею лентою, вдоль теченія всего Заръавшана. Надо видѣть этотъ благодатный уголокъ земли, пріобрѣтающій особенную прелесть отъ контраста съ прилегающими къ нему пустынями, чтобъ оцѣнить всю значеніе упомянутой рѣки. Тутъ станеть совершенно понятно, почему рѣка эта получила свое названіе (Заръавшанъ, въ переводѣ, значитъ—раздаватель золота). Но если населеніе пользуется здѣсь привольемъ и удобствомъ относительно воздѣлыванія полей, то нельзя сказать того же самаго относительно путей сообщенія. Путешественнику приходится ѣхать по глинисто-солонцеватому грунту, то и дѣло перерѣзанному мелкими и глубокими канавами, чрезъ которыя проложены такіе мостики, смотрѣть на которые страшно. Эти мостики зачастую обѣзжаются самими жителями, уже достаточно къ нимъ привыкшими. Сверхъ того, въ сухое время пыль, а въ дождливое невылазная грязь увеличиваютъ достоинство описываемаго пути.

Подѣзжая къ Самарканду, еще издали, версты за 20, видишь Чепан-атинскія высоты, лежащія въ семи верстахъ передъ Самаркандомъ и совершенно его укрывающія. На эти-то высоты бухарцы надѣялись, какъ на непреоборимый оплотъ движенію русскихъ. Высоты съ фронта подмыты Заръавшаномъ и совершенно неприступны. Сверхъ того, въ извѣстныя времена года Заръавшанъ разливается и покрываетъ всю громаднѣйшую эспланаду, версты 1½, въ квадратѣ, лежащую передъ высотами. Въ европейскихъ войнахъ подобная позиція была бы плоха тѣмъ, что наступающій ни за что не рѣшился бы атаковать ее, а предпочелъ бы обойти. Во время наступленія русскихъ Заръавшанъ былъ въ разлитіи, и бухарцы, сами незнавшіе бродовъ, были совершенно увѣрены въ неприступности своей позиціи. Они рассчитывали, что, пока русскіе будутъ искать бродовъ, они успеютъ перебить ихъ своею артилеріею. Однакожь, артилерія бухарцовъ не оправдала ихъ ожиданій и дѣйствовала, какъ нельзя хуже, не нанося намъ почти никакого вреда.

Русскія войска, по грудь въ водѣ, быстро прошли эспланаду и устремились на правый флангъ непріятельской позиціи. Бухарцы, никакъ не ожидавшіе подобнаго исхода дѣла, пришли въ панической ужасъ, побросали артилерію, которую и нельзя было увезти съ высотъ, и совершенно разсѣялись.

Переправясь въ бродъ черезъ нѣсколько

рукавовъ Заръавшана, я поднялся на предгорія Чепан-атинскихъ высотъ. Поровнявшись съ садами, прилегающими къ Самарканду, я внезапно увидѣлъ огромную толпу всадниковъ, во весь опоръ скакавшихъ на меня. Я быстро схватился за револьверъ, а конвойные изготовили винтовки, намѣреваясь отражать нападеніе. Дѣло, однако, вскорѣ объяснилось. Скакавшая толпа забавлялась игрою въ кок-бари, столь распространенною въ Средней Азіи. Эта игра состоитъ въ томъ, что къ кому-нибудь собираются на праздникъ человекъ до сотни верховыхъ, и, выпросивъ у хозяина праздника козленка, или барашка, перерѣзываютъ ему горло и отдаютъ въ руки какому-нибудь лихому наѣзднику. Всѣ отправляются въ поле. Наѣздникъ скачетъ во всю конскую прыть, а прочіе гонятся за нимъ, стараясь настичь и вырвать изъ его рукъ зарѣзанное животное. Козленокъ рвется на куски, и забава продолжается до тѣхъ поръ пока нѣсколько человекъ не будетъ искалѣчено, или же просто истоптано. Такъ какъ Самаркандъ лежитъ на южномъ склонѣ Чепан-атинскихъ высотъ, то онъ открывается взору только тогда уже, когда вы въѣзжаете, или, правильнѣе, начинаете спускаться въ него. Васъ сразу обдаетъ сѣдою древностью, вѣющею съ высотъ могучихъ, исполинскихъ памятниковъ, своею оригинальностью приковывающихъ ваше вниманіе и свидѣтельствующихъ о совершенно иной, невѣдомой Европѣ, цивилизаціи. Нѣмныя гиганты, стоятъ они въ грозномъ величіи, напоминая о давно минувшей славѣ народа, воздвигавшаго ихъ. Передъ вами возстаетъ маленькая, монгольская фигурка желѣзнаго хромца, неугомоннаго, неутомимаго, незнавшаго покоя и преградъ для своей дѣятельности. Геніальный вождь, онъ, не менѣе того, былъ искусенъ и какъ администраторъ. Украшая и создавая города, онъ устраивалъ подвластные ему народы, пролагалъ дороги, какихъ въ Европѣ долго еще послѣ не было, заботился о просвѣщеніи. Рядомъ съ нимъ невольно вспоминается и другой образъ султана Бабера, своими познаніями сдѣлавшаго бы честь любому европейскому обществу. Вспоминается и знаменитая самаркандская обсерваторія и рядъ славныхъ тружениковъ, всецѣло отдававшихся наукѣ. И куда все это дѣвалось? Куда стинулъ народъ, проявлявшій такую исполинскую мощь? Что подкосило его крылья? и какой спасительный урокъ оставилъ онъ грядущимъ поколѣніямъ?...

Контрастъ между старымъ, историческимъ, Самаркандомъ и новымъ, современнымъ, по-

разителемъ въ высшей степени. На сколько внушаютъ уваженія памятники старины, на столько поражаетъ своею мизерностью лежащій у подножія ихъ новый городъ. Это такія же груды глины и грязи, какъ и вообще всѣ среднеазіатскіе города. Хотя теперь Самаркандъ отстроился за-ново, и лавочки приняли гораздо болѣе опрятный видъ, однако, улицы, всетаки, узки, и грязь на нихъ въ дождливое время такая же, какъ и прежде. Несмотря на жалкій внѣшній видъ, торговля Самарканда, при всемъ томъ, весьма значительна. Большинство предметовъ торговли составляютъ русскіе товары: самовары, сахаръ, отчасти чай, чашки, сундуки, шерстяныя матеріи, сукна, парча, кисея, чугуныя и желѣзныя издѣлія. Изъ туземныхъ предметовъ отличаются своею доброкачественностью и дешевизною: кожи (шагрень), ножи (изъ Гузара и Каршей), затѣйливо изукрашенныя сѣдла, извѣстныя во всѣхъ средне-азіатскихъ городахъ подъ именемъ самаркандскихъ, ковры (изъ Каршей и Бухары), лучшія шолковыя матеріи (изъ Бухары), знаменитыя каракульскія мерлушки (по 2¹/₂ рубля за штуку), хлопъ, шолкъ въ ниткахъ и сырецъ, бязь, халаты, одѣяла, кожи, затѣйливо вышитыя шелками, равно какъ и сукна, и пр. и пр. Заслуживаетъ также вниманія продаваемая во всѣхъ лавочкахъ превосходная *розовая соль*. Изъ англійскихъ товаровъ въ большомъ количествѣ *кисей*, весьма дешовыя и идущія на чалмы.

Въ Самаркандѣ считается до 30,000 жителей. Городъ обнесенъ стѣною и имѣетъ шесть воротъ. Весьма обширная цитадель имѣетъ 2¹/₂ версты въ окружности; передъ цитаделью расчищена русскими эспланада. Цитадель представляетъ фигуру весьма неправильнаго пятиугольника; будучи исправлена русскими, она можетъ считаться неприступною: высота ея стѣнъ достигаетъ шести сажень. Внутри цитадели помѣщались всѣ важнѣйшія постройки бухарцовъ, въ настоящее время заняты и приспособлены русскими: ханскій дворецъ обращенъ въ лазаретъ, мечети передѣланы въ цейхгаузы, дворцы бековъ—въ управленія, дома другихъ бухарскихъ властей—въ квартиры офицеровъ и т. д.

Найдя все готовое, русское населеніе весьма скоро устроилось, такъ что трудно желать лучшаго. Устроился даже клубъ. Русская торговля закипаетъ: при мнѣ существовало уже семь русскихъ лавокъ.

Л. Костенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОВЗДКА ВЪ САМАРКАНДЪ.

(Окончаніе *).

Достопримѣчательности города: цитадель, кок-таш-тронъ Тамерлана, гробница Тимура коранъ, будто бы писанный рукою клифа Османа, медресе, лѣтній дворецъ Тимура. — Ханака (монастырь). — Святые отцы (аулие, ишаны). — Поступленіе въ святые. — Дуванны (юродивые). — Вліаніе религіознаго фанатизма на народъ. — Различныя племена, населяющія Самаркандъ; типъ, одежда и характеристика ихъ: евреи, индусы, афганцы, персіяне, узбеки, таджики. — Антигонизмъ племенъ. — Къ чему пришолъ Самаркандъ путемъ религіознаго фанатизма. — Общее впечатлѣніе, производимое Самаркандомъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ цитадели помѣщеніе для лазарета въ бывшемъ эмировомъ дворцѣ, называемомъ кок-ташъ. Названіе дворца произошло отъ зеленоватаго камня, служившаго трономъ Тамерлану. Этотъ камень, имѣющій шесть шаговъ длины, три шага ширины и пол-роста человѣческаго высоты, замѣчательно правильно обтесанный изъ цѣльнаго куска мрамора и испещренный по бокамъ прекрасною рѣзбою, составляетъ въ цитадели единственный памятникъ, оставшійся отъ древности. Преданіе относитъ время сооруженія его за 700 лѣтъ до Тимура. Камень этотъ почитается, какъ святыня, и правовѣрные, подходя къ нему, прикасаются руками и, затѣмъ, священнымъ прахомъ, приставшимъ къ пальцамъ, натираютъ себѣ лицо и бороду. Эмиры только тогда считались дѣйствительно утвержденными въ своемъ званіи, когда сидѣли на немъ. Обрядъ возсѣданія начинался тѣмъ, что новопоставляемый эмиръ сперва садился на бѣлую кошму (войлокъ), придворные поднимали его съ кошмою и помѣщали на камень. На этомъ камнѣ, съ краю сдѣланы два маленькія углубленія, куда новопоставляемый эмиръ насыпалъ червонцы и оттуда раздавалъ царедворцамъ. Послѣ этого не могло уже быть никакого сомнѣнія въ законности его правъ. Кок-ташъ стоитъ въ галерей, окружающей съ трехъ сторонъ четырехугольный, хорошо вымощенный дворъ. За камнемъ въ стѣнѣ сдѣлана ниша, съ правой стороны которой вдѣланъ въ стѣнѣ небольшой чорный камень **). На камнѣ есть

*) См. № 84-й «Голоса».

***) У Вамбери сказано: овалный кусокъ желѣза. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что описанія Вамбери грѣшатъ во многомъ. Встрѣчаются даже безсмыслицы въ родѣ слѣдующихъ: «Аркъ (цитадель—пріемная зала Тимура). Входъ къ цитадели довольно крутъ; она раздѣляется на двѣ части: одна состояла изъ частныхъ квартиръ, а другая служила только для пріемовъ эмира» (стр. 105). Здѣсь понятія о цитадели и о дворцѣ смѣшаны. Говоря о крутизнѣ подъема (который, впрочемъ, не крутъ), можно думать, что рѣчь идетъ о цитаде-

надпись на древне-арабскомъ языкѣ, весьма меня интересовавшая. Муллы и граматѣи отказывались прочесть ее и совѣтовали обратиться къ казы. Я пригласилъ казы-кеяна (верховный судья), который, послѣ часового усилія, разъяснилъ, что этотъ камень взятъ съ гробницы и надпись означаетъ слѣдующее: «Шейх-уль-исламъ Зобиг-ходжа. Пошли ему Господи царствіе небесное, отцу и матери его и всѣмъ правовѣрнымъ; годъ 735» (т. е. по нашему численію 1318). Но я сильно подозреваю, и даже увѣренъ, что велемудрый судья сочинилъ свою надпись, чтобъ скрыть собственное невѣжество. ○

○ Въ городѣ всѣ памятники старины исключительно духовныя, т. е. мечети и медресе, что прямо указываетъ на теократическій характеръ цивилизаціи. ○ Мечети имѣютъ, большею частью, удлиненный куполь, въ видѣ дыни, усѣченной снизу и поставленной на болѣе или менѣе высокомъ зданіи. Мечеть съ могилой Тимура можетъ служить прототипомъ такой архитектуры. По сторонамъ этой мечети высятся двѣ колонны, въ родѣ коринтскаго ордена, блистающія свѣжестью и красотою рисунка своей эмали. Внутренность мечети состоитъ изъ

и, а изъ описанія комнатъ полагать надо, что трактуется о дворцѣ. Вамбери увѣряетъ, что онъ первый проѣхалъ по Средней Азии (стр. 109), забывая, что до него весьма многіе, не говоря о русскихъ, но даже западно-европейцы проѣхали гораздо большее пространство. Вѣроятно, только на этомъ основаніи Вамбери и позволяетъ себѣ рассказывать вещи небывалыя. Въ началѣ своего сочиненія, говоря о туркменахъ, онъ чуть ли не на каждой страницѣ описываетъ звонъ желѣзныхъ цѣпей, которыми туркмены обременяютъ своихъ невольниковъ. Туркменскія степи намъ хорошо извѣстны, и также хорошо извѣстно, что у туркменовъ нѣтъ не только желѣза, но даже въ деревѣ они ощущаютъ недостатокъ, а если и скручиваютъ невольниковъ, то развѣ веревками изъ шерсти. Въ описаніи Самарканда, не упоминая о неточностяхъ, цѣлмя сцены, по всей вѣроятности, вымышлены; на примѣръ, описаніе аудіенціи у эмира (стр. 110), гдѣ повѣствуется, какъ авторъ, безъ всякихъ обиняковъ, прямо сѣлъ рядомъ съ его высочествомъ, и «разучась краснѣть», началъ говорить ему комплименты. Едва ли бы его высочество эмиръ бухарскій позволилъ кому бы то ни было подобную выходку, посягающую на его священныя права: всѣ мусульмане обязаны падать ницъ передъ владыкою правовѣрныхъ и стараться даже не смотрѣть въ лицо монарху, чтобъ не ослѣпнуть отъ блеска и святости его очей. Невольно припоминается собственная же фраза Вамбери: «я успѣхомъ своимъ былъ единственно обязанъ гибкости своего языка, въ самомъ дѣлѣ крайне безстыднаго» (стр. 111), фраза, которую можно было бы помѣстить въ эпиграфъ его сочиненія. Нелишнимъ будетъ также упомя-

мрачныхъ дой, весьма котловатымъ ми и испередины котортрѣ—Тимуства. Гробдлины, окнемного бтемнозеленимѣть длмулла, на не могъ; надписи оныхъ словъ Миръ Келходится епмирзы Мизеленаго мнецъ, за Сенда-Оманаты, пося въ мра но летучи

нуть, что нѣсколько сказать, ч въ Средней было въ Е не идетъ о Путешествіи и пескамъ опаснѣе, ч и даже храменскія степи кочевники присмирѣли опасности то это про ренности и сились къ 1841 году, ханскихъ в рилъ съ са тотъ, что и него, долж левскаго. жизнью, вс шательства ропейскія къ нимъ с въ 1866-мъ Коканскому одинъ проѣ Балхъ, Ба извѣданнос новенія ту кательности всякаго ко родѣ недос

мрачныхъ сѣней и, затѣмъ, изъ довольно свѣтлой, весьма высокой, сводчатой комнаты, стѣны которой до половины выложены зеленоватымъ мраморомъ, изукрашены арабесками и испещрены надписями изъ корана. Середина комнаты загорожена рѣшеткою, внутри которой расположены гробницы: въ центрѣ—Тимура, а вокругъ—членовъ его семейства. Гробница Тимура имѣетъ около 2¹/₂ арш. длины, около половины аршина ширины и немного болѣе высоты, гладко высѣчена изъ темнозеленаго (почти чорнаго) мрамора и имѣетъ длинную арабскую надпись, которую мулла, находящійся при мечети, разобрать не могъ; все его искусство въ чтеніи этой надписи ограничилось только разборомъ первыхъ словъ: «эмиръ Тимуръ Кураганъ, сынъ Миръ Келяна». Рядомъ съ этою гробницею находится еще такая же гробница сына тимурова, мирзы Мирагама; затѣмъ, три гробницы изъ зеленаго мрамора и двѣ алебастровыя; наконецъ, за рѣшеткой, въ нишѣ, еще гробница Сеида-Омара, учителя тимурова. Изъ этой комнаты, по узкой и крутой лѣстницѣ, спускаются въ мрачное подземелье, которое наполнено летучими мышами и въ которомъ гробницы

нуть, что опасности путешествія по Средней Азійскою преувеличены Вамбери. Смѣло можно сказать, что относительно воровства и грабежа въ Средней Азій безопаснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ—разумѣется, если только рѣчь не идетъ о туземныхъ властяхъ и чиновникахъ. Путешествовать по самымъ безлюднымъ степямъ и пескамъ Бухары, Хивы и Кокана гораздо безопаснѣе, чѣмъ по самымъ многлюднымъ улицамъ, и даже храмамъ Рима, Лондона и Парижа. Туркменскія степи составляютъ исключеніе; но и здѣсь кочевники въ послѣднее десятилѣтіе значительно присмирѣли, вслѣдствіе вліянія русскихъ. Если опасности и угрожали нѣкоторымъ европейцамъ, то это происходило отъ излишней ихъ самоувѣренности и пренебреженія, съ какимъ они относились къ *варварамъ*. Капитанъ Никифоровъ, въ 1841 году, въ Хивѣ билъ и выталкивалъ въ шею ханскихъ вельможъ и чрезвычайно дерзко говорилъ съ самимъ ханомъ. Результатъ былъ только тотъ, что посольство его не удалось, и, вмѣсто него, должны были послать подполковника Данилевскаго. Конноли и Стодертъ заплатились жизнью, вслѣдствіе политическихъ интригъ и вмѣшательства въ дѣла управленія, за что и европейскія государства едва ли бы отнеслись въ нимъ снисходительно. Купецъ Хлудовъ еще въ 1866-мъ году разъѣзжалъ совершенно одинъ по Коканскому Ханству и теперь собирается также одинъ проѣхать въ Туркменію, въ Мервь, Кундузъ, Балхъ, Бадахшанъ и проч. Главная причина неизвѣданности Средней Азій и нечастаго проникновенія туда европейцевъ состоитъ въ непривлекательности среднеазиатской жизни и отсутствіи всякаго комфорта, все равно, какъ въ своемъ родѣ недоступны тундры самоѣдовъ и тунгусовъ.

тѣ же самыхъ личностей расположены въ такомъ же порядкѣ, какъ и наверху. Наконецъ, подъ этимъ склепомъ устроенъ, по увѣренію муллы, еще склепъ, въ которомъ находятся самыя могилы Тимура и его близкихъ; но туда уже никого не впускаютъ. Я, къ сожалѣнію, не могъ повѣрить справедливости словъ муллы осмотромъ хотя входа во второе подземелье, потому что торопился выбраться поскорѣе изъ перваго.

Осматривая эту мечеть, я припомнилъ свидѣтельство Вамбери о томъ, что въ подземельи хранится фоліантъ корана, написанный собственноручно третьимъ калифомъ, Османомъ (котораго Вамбери ошибочно назвалъ вторымъ). Никакого корана тамъ нѣтъ и не могло быть, потому что мусульмане, при всей своей несообразительности, всегда догадались бы, что для летучихъ мышей драгоцѣннаго фоліанта класть не слѣдуетъ. По моимъ разспросамъ, оказалось, что древній фоліантъ (писанный не на кожахъ газелей, какъ повѣствуетъ Вамбери, а на простой, кажется, рисовой, бумагѣ) хранится въ грязной медресе Огъ (акъ—бѣлый) въ особой комнаткѣ, въ дарцѣ, подъ замкомъ и печатью. Дарецъ, однако, былъ разломанъ, такъ что мулла свободно досталъ оттуда экземпляръ корана и не одинъ, а два. Одинъ, по объясненію муллы, писанъ, будто бы, Османомъ, другой—его *ученикомъ*; первый оказался безъ палатурокъ, которые были сорваны русскими во время баранты, и хотя представляетъ довольно увѣсистую тетрадь, но неполонъ, не имѣя ни начала, ни конца. Онъ писанъ только по одной сторонѣ, и въ срединѣ сильно замѣтны слѣды крови; мулла сообщилъ, что Османъ былъ зарѣзанъ въ то время, когда сидѣлъ надъ книгою. Подлинность корана весьма вѣроятна, потому что сказанія муллы нисколько не противорѣчатъ исторіи *).

Самую красивую часть города составляетъ небольшая, квадратная площадь, образуемая тремя старинными медресе, своими фронтонами обращенными во внутрь площади, и рядомъ лавокъ. Медресе состоятъ изъ четырехугольных (квадратныхъ) зданій, съ такими же двориками внутри, вымощенными кирпичомъ. По сторонамъ весьма пестро эмальированныхъ (глазурью) фронтоновъ, возведены также эмальированныя колонны, на половину разрушенныя. Средняя медресе, расположенная на сѣверѣ, называется *тилликаръ*, золотая (отъ тилля—червонецъ), вслѣдствіе того, что въ мечети, находящейся во дворѣ, есть на передней стѣнѣ нѣсколько позолоченныхъ (бумажныхъ) полосокъ. Впрочемъ, независимо отъ скудости золота, внутренность этой

*) Бумагу, на которой написанъ коранъ, отличающуюся особенностями, неизвѣстными Европѣ, также можно, безъ большой погрѣшности, отнести къ VII вѣку.

мечети
шенной
весьма
нѣтъ,
ходивш
медресе
щая на
перенос
ствіе
двухъ
располо
Улуг-бе
ромъ,
Улуг-бе
и помѣ
сервати
и слѣд
Къ с
ротъ
сказан
ныя ра
женою
жестъ
теперь
къ раз
За го
ходится
памяти
мура,
Туть ж
Шах-З
честь
Аббаса
хамеду.
по кир
нымъ
деревья
вступае
и мрач
дуть въ
изящно
рой по
муллы
слушат
ную од
селау
общилъ
туть ж
шотков
въ дру
Поср
два ст
изъ Ме
запрещ
ливые
этой м
же на
корана
ра Нас
заффар
Вниз
дится
ли или

ожены въ
ху. Нако-
роень, по
которомъ
ра и его
пускаютъ.
ить спра-
отя входа
торопился
нили сви-
въ подзе-
писанный
мъ, Осма-
назвалъ
нѣтъ и не
, при всей
гогадалься
гоцѣннаго
оимъ раз-
фолиантъ
какъ по-
ѣ, кажетъ
грязной
й комнатъ
тью. Ла-
что мул-
ляръ ко-
объясне-
омъ, дру-
безъ па-
русскими
яетъ до-
лонъ, не
анъ толь-
ѣ сильно
циль, что
я, когда
корана
нѣя муллы
и *).
ставляетъ
образуе-
ми фрон-
ющади, и
изъ четы-
съ таки-
ыми кир-
о эмаль-
возведены
половину
положен-
ръ, золо-
вѣ того,
ръ, есть
оченныхъ
незави-
ость этой
анъ, отли-
Европѣ,
и, отнести

мечети, выложенной мраморомъ и изукрашенной арабесками, эмалью и рѣзною работою, весьма замѣчательна. «Такой мечети нигдѣ нѣтъ, кромѣ Самарканда», замѣтилъ мнѣ находившійся тутъ же мулла. Остальные двѣ медресе уже значительно разрушены. Стоящая *на востокъ*, называется ширьдаръ (поперсидски) и ильбарсъ (поузбекски) вслѣдствіе мозаичнаго изображенія надъ входомъ двухъ животныхъ, похожихъ на тигровъ, а расположенная *на западъ* называется Мирза Улуг-беги. Эта послѣдняя построена Тимуромъ, внукомъ знаменитаго Тимура для Улуг-беги, извѣстнаго астронома. Здѣсь-то и помѣщалась знаменитая самаркандская *обсерваторія*, отъ которой теперь не осталось и слѣдовъ.

Къ сѣверу отъ этихъ медресе, вблизи воротъ Шах-Зинда (а не бухарскихъ, какъ сказано у Вамбери), находятся величественныя развалины медресе Ханымъ, построенной женою Тимура, китайскою принцесою. Свѣжесть разноцвѣтной изразцовой мозаики и теперь поражаетъ глазъ издали; но подходить къ развалинамъ близко весьма опасно.

За городомъ, на обширномъ кладбищѣ, находится еще одинъ, весьма замѣчательный памятникъ — бывший лѣтній дворецъ Тимура, теперь полуразрушенный и пустой. Тутъ же вмѣстѣ находится и мечеть *Хазрети Шах-Зинда*, построенная Тамерланомъ въ честь названнаго святого, сына Хазрети Аббаса, бывшаго двоюроднымъ братомъ Мохамеду. Въ мечеть нужно подыматься высоко по *кирпичнымъ* ступенькамъ и идти кирпичнымъ же открытымъ коридоромъ, усаженнымъ деревьями. Затѣмъ, свернувъ направо, вы вступаете въ зданіе и идете сперва узкимъ и мрачнымъ коридоромъ, который и приводитъ въ небольшую, темноватую, но довольно изящно устроенную комнату, посреди которой повѣшено русское паникадило. Здѣсь муллы пригласили меня сѣсть на коврѣ и выслушать молитву, благоговѣнно произнесенную однимъ изъ нихъ, послѣ чего попросили селаяу (пожертвованіе). «Святой просить», сообщила мулла. Гробница святого находится тутъ же, въ смежной комнатѣ, за рѣзною рѣшоткою. Изъ этой комнаты я былъ введенъ въ другую, гораздо ббльшую и свѣтлѣйшую.

Посреди также виситъ паникадило и еще два страусовыя яйца, принесенныя ходжами изъ Мекки. На стѣнахъ, вмѣсто живописи, запрещенной кораномъ, развѣшены незатѣливые рисунки, изображающіе виды Мекки. Въ этой молитвенной комнатѣ обращаетъ также на себя вниманіе громаднѣйшій фолиантъ корана, сдѣланный по заказу покойнаго эмира Наср-Уллы, отца теперешняго эмира, Музаффаръ-Эддина.

Внизу лѣстницы, по сторонамъ ея, находится *ханака* (монастырь), гдѣ живутъ *шейхи* или *аулие*, а попросту ишаны, т. е. святые.

При уходѣ моемъ, эти святые осадили меня просьбами о томъ, не могу ли я исходатайствовать имъ жалованье, объяснивъ, что, во время управленія эмира, они получали большое содержаніе отъ казны, теперь же принуждены довольствоваться исключительно одними пожертвованіями. Надо замѣтить, что монастырь этотъ пользуется большою извѣстностью въ мусульманскомъ мірѣ, и правовѣрные стекаются сюда на богомолье изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ Средней Азии, неся посылки лепты благочестивымъ отцамъ, ревностно служащимъ Богу, въ чомъ я лично могъ удостовѣриться. На другой день, проѣзжая мимо этого монастыря, я еще издали былъ пораженъ неистовымъ ревомъ (подобнымъ рычанію дикихъ звѣрей), исходившимъ изъ монастыря. Огромная толпа евреевъ собралась на улицѣ, ради любопытства; подъ прикрытіемъ конвоя, я заглянулъ во внутренность и увидѣлъ человекъ до тридцати святыхъ, съ закрытыми глазами, стоявшихъ кружкомъ на коленяхъ, дравшихъ, не щадя, свою глотку и бѣшено подпрыгивавшихъ кверху. Подобныя благочестивыя упражненія продолжаются до тѣхъ поръ, пока отцы не дойдутъ до совершеннаго изнеможенія и безчувствія.

Классъ монашествующихъ въ здѣшнемъ краѣ весьма распространенъ и пользуется завиднымъ для массы благосостояніемъ; составляя привилегированную касту (впрочемъ, единственную), монашествующіе обставили себя многочисленными суевѣрными формальностями, для того, чтобы удобнѣе эксплуатировать толпу. Поступленіе въ этотъ орденъ сопровождается безчисленнымъ множествомъ самыхъ нелѣпыхъ обрядовъ и формальностей. Но и по принятіи, неопитъ еще долго остается на воспитаніи, пока не получитъ патента (*хати-рухсатъ*) на дѣйствительнаго ишана и на право посвящать другихъ. Воспитаніе состоитъ въ постепенномъ изощреніи пяти способовъ произносить имя Аллаха, а именно: первый способъ состоитъ въ томъ, чтобы, закрывъ глаза, обратить ихъ на сердце, которымъ и произнести слово «алла»; второй — состоитъ въ обращеніи глазъ на часть груди подъ ложечкой и въ частомъ повтореніи тамъ того же слова; третій — внутреннее возрѣніе на печень, и четвертый — на верхнюю поверхность мозга и также въ частомъ повтореніи имени «алла», наконецъ, пятый, труднѣйшій, состоитъ въ возможно частомъ и невозможномъ быстромъ произношеніи словъ: *ла илляхи иль-алла* — всѣми выше названными частями тѣла, притомъ, такъ, чтобы слово: *ла* произносилось сердцемъ, а мозгъ уже заканчивалъ слово *алла*. Затѣмъ, новообращенный долженъ выдержать искусь чтеніемъ въ извѣстные часы ночи и дня многочисленныхъ молитвъ съ ракіатомъ (колѣнопреклоненіемъ), и, наконецъ, въ заключеніе долженъ доказать свою святость ис-

дѣленіемъ больного, или совершеніемъ другого какого-нибудь чуда; послѣ чего уже дается ему вождельный дипломъ.

Кромѣ ишановъ, пользующихся большимъ почетомъ въ народѣ, подъ вліяніемъ которыхъ находятся сами правители ханствъ, существуетъ еще одинъ классъ духовенства, менѣе и даже вовсе неполюющійся уваженіемъ, хотя тоже боговдохновенный. Это *дубанмы*, нѣчто въ родѣ нашихъ юродивыхъ. Одѣтые въ рубище, поверхъ котораго, для большаго эффекта, иногда накидывается барсовая кожа, въ конической шапкѣ, перевитой лентами, съ огромной выточенной и заостренной дубиной съ ремнемъ, придѣланнымъ къ ней, съ тѣввой, привязанной у пояса, ходятъ они по базарамъ, распѣвая духовныя пѣсни, юродствуя и выпрашивая милостыню. Живутъ они отдѣльными братствами подъ начальствомъ старшаго и пребываютъ въ совершенномъ бездѣйствіи; сидя дома, курятъ хашнишъ до опьянѣнія, послѣ чего кричатъ до обморока.

✓ Если въ Западной Европѣ клерикальное вліяніе угнетаетъ общество и тормозитъ его развитіе, то здѣсь страшно и помыслить о томъ, до какихъ размѣровъ доходитъ вліяніе религіознаго фанатизма. Теоократія убиваетъ здѣсь въ самомъ зародышѣ всякую попытку на автономію мысли; она оковываетъ человека съ головы до ногъ, регулируя каждый его шагъ, каждое его слово. Она, какъ предательскій шпіонъ, преслѣдуетъ его вездѣ: дома въ семействѣ, въ гостяхъ, на площади, въ школѣ, въ мечети. Результатъ одинъ—общество какъ бы застыло въ своемъ развитіи, окаменѣло. Монотонность, сонливость, однообразіе жизни потрясающее; загнанность, робость, забитость личности сквозитъ повсюду. Религіозный фанатизмъ въ политикѣ привелъ къ тупому презрѣнію всего, что только не исповѣдуетъ ислама. Наблюдать самаркандское населеніе, въ этомъ случаѣ, поучительно въ высшей степени; элементы, изъ которыхъ оно составлено, весьма различны по происхожденію и по взаимнымъ симпатіямъ. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе сыны Израиля по той радости и привѣтливости, съ какими встрѣчаютъ они русскихъ: въ нихъ они видятъ своихъ избавителей отъ тѣхъ невыносимыхъ оскорбленій и жестокостей, какія они испытывали прежде. Въ Самаркандѣ (такъ же, какъ и въ Бухарѣ, въ Каршахъ и въ Катты-Курганѣ) они занимаютъ особый кварталъ, изъ котораго выселяться не могутъ. Затѣмъ, они пользовались почти совершенною безправностью *). Правовѣрные могли ихъ бить почти безнаказанно,

*) Какъ это существовало и въ Ташкентѣ, и какъ это существуетъ до сихъ поръ во всѣхъ независимыхъ среднеазиатскихъ городахъ.

но, и даже убивать, но только за горodomъ. Являясь къ правовѣрному, еврей долженъ былъ стоять у порога, и если правовѣрный приходилъ въ домъ къ еврею, то еврей долженъ былъ уходить къ порогу. Въ Бухарѣ и теперь еще глава еврейской общины, принося подати, получаетъ взаменъ двѣ пощичины, по предписанію корана. Въ городѣ евреи не имѣли права ѣздить ни на лошади, ни не ишакѣ, несмотря ни на какую грязь. Халаты они могутъ носить только бумажные и опоясываться только веревкою и, притомъ, непременно, чтобъ правовѣрные видѣли это отличіе. Хотя еврей, такъ же, какъ и мусульмане, брѣютъ себѣ головы, оставляя только космы на вискахъ (пейсы), но носить чалму строго запрещено; вмѣсто нея, они употребляютъ суконныя коническія шапки, опушонныя снизу мѣхомъ пальца въ два шириною. Въ виду подобныхъ вопіющихъ притѣсненій понятно, насколько евреи должны были радоваться занятію Самаркандомъ русскими. Когда Самаркандъ былъ блокируемъ, евреи, за сочувствіе къ русскимъ, также были заперты въ своемъ кварталѣ, откуда не смѣли показывать носа, и когда блокада была снята, восторгъ евреевъ былъ неописанный: они плакали отъ радости, бросались на шею къ своимъ избавителямъ, цаловали стремяна верховыхъ.

Индійцы, выходцы съ Инда, Ганга, Брахманутры и проч., поклонники Вишну, а чаще огня и солнца, живутъ здѣсь также особнякомъ, подворьями. Здѣсь они играютъ такую же роль, какъ, на примѣръ, евреи въ нашемъ Западномъ Краѣ. Будучи преслѣдуемы и презираемы, они, тѣмъ не менѣе, приобрѣли себѣ вѣсь съ помощью капитала, заправляя всѣми денежными оборотами края. Индусы рѣзко выдѣляются своимъ типомъ и наружностью. У нихъ черные, какъ смоль, волосы, смуглый цвѣтъ лица, черные блестящіе глаза, горбатый носъ, длинное лицо, ростъ небольшой. Волосы брѣютъ только на лбу, а на темени заплетаютъ косу; впрочемъ, изъ-подъ шапки, подобной еврейской, волосы падаютъ прядями почти до плечъ. На лбу и ушахъ они носятъ мѣтки изъ ярихъ красокъ: красныхъ, желтыхъ, зеленыхъ и синихъ, смотря по сектѣ, къ какой принадлежитъ субъектъ. Верхняя одежда у нихъ—короткій халатъ до колѣнъ. Индійцы, какъ и евреи, весьма рады прибытію русскихъ и привѣтствуютъ всякаго русскаго офицера.

Афганцы, по своему типу, составляютъ нѣчто среднее между индійцами и персіанами. Вообще они весьма красивы; носятъ длинные волосы, пробривая ихъ на лбу, на затылкѣ, и узенькую дорожку отъ лба къ затылку; носятъ чалму и халатъ; но свободомысліе ихъ доходитъ до того, что, вмѣсто халата, они употребляютъ также и казакинъ до колѣнъ, несмотря на указаніе корана носить верхнюю

одежду, но, сказавъ и ихъ въ лярное ми, они ства, но принуждываться волю.

Изъ при бухрий, въ ствомъ грозною сторону ихъ отпостатьс время, конная же изъ Самаркандъ занимал дѣйство улицъ и изводим принудил выслать селить

Персіанов и он шинство рабство жають хожденіе правовѣ сятъ чашечки ко прія стая боу шись ст по како циональ вѣтъ: чности бы», ск человекъ любопы дана и числомъ смотря персіан сянъ жества стративъ взятіемъ вершен примет провоз цовъ, в кента.

Узбек ствующ

одежду до пяти. Влияние англичанъ, какъ и ихъ войско самое лучшее и наиболѣе регулярное изъ мусульманскихъ. Будучи сунитами, они хотя, по корану, и свободны отъ рабства, но бухарцы, не стѣсняясь, ловятъ ихъ, принуждаютъ, для соблюденія законности, называться шитами и, затѣмъ, продаютъ въ неволю.

Изъ подобныхъ плѣнниковъ составленъ былъ при бухарскомъ эмирѣ цѣлый отрядъ, который, въ числѣ 250 человекъ, подъ начальствомъ Искандер-хана, передъ послѣднею, грозною для бухарцовъ войною, передался на сторону русскихъ. По окончаніи войны, часть ихъ отправлена на родину, а часть пожелала остаться на службѣ у насъ. Въ настоящее время, въ Самаркандѣ составлена изъ нихъ конная сотня, правильно организованная. Тѣ же изъ афганцевъ, которые находились въ Самаркандѣ прежде, частью въ неволѣ, частью занимались аферами, по взятіи города, стали дѣйствовать по русской пословицѣ: на нашей улицѣ праздникъ. Грабежи и безчинства, производимые ими надъ узбеками и таджиками, принудили русское правительство часть ихъ выслатъ на родину въ Кабуль, а часть переселить въ Ходжентъ и въ Ташкентъ.

Персіанъ гораздо больше, чѣмъ афганцевъ, но и они играютъ страдательную роль. Большинство ихъ — невольники, проданные въ рабство туреманами. Тѣ же, которые пріѣзжаютъ сюда торговать, скрываютъ свое происхожденіе, подлаживаясь подъ образъ жизни правовѣрныхъ (сунитовъ); брѣютъ головы, носятъ чалмы (а не высокія, островерхія, мерлушечьи шапки) и длинныя халаты, такъ что только пріятное очертаніе лица и черная окладистая борода изобличаютъ ихъ расу. Разговорившись съ однимъ персіянномъ, я спросилъ его, по какой причинѣ онъ измѣнилъ своей національной одеждѣ, на что получилъ въ отвѣтъ: чтобъ избѣжать преслѣдованія и опасности попасть въ рабство. «Вотъ это все рабы», сказалъ онъ, указывая на нѣсколькихъ человекъ земляковъ, стоявшихъ возлѣ. Я любопытствовалъ узнать, за сколько была продана ихъ свобода; оказалось, что, среднимъ числомъ, по 35 тиллей (около 140 рублей). Несмотря на презрѣніе, питаемое туземцами къ персіянамъ, превосходство цивилизаціи персіанъ иногда выдвигало ихъ изъ ничтожества и ставило даже на высокія административныя ступени. Нѣтъ сомнѣнія, что, со взятіемъ Самарканда, рабство въ немъ совершенно исчезнетъ, и русское начальство приметъ всѣ мѣры къ освобожденію и przeprowadенію на родину несчастныхъ иранцевъ, какъ это дѣлалось имъ по взятіи Ташкента.

Узбеки—самое многочисленное и господствующее племя во всей Средней Азій: они

побѣдители. Самъ эмиръ изъ этого племени, изъ рода мангытъ. Несмотря на пятивѣковое общеніе съ покореннымъ населеніемъ—таджиками, узбеки, хотя и видоизмѣнились значительно, но не утратили своей племенной особенности. Монгольское происхожденіе сказывается въ ихъ типѣ по выдавшимся скуламъ, толстымъ губамъ, свѣтлымъ (иногда рыжимъ) волосамъ, а также и въ характерѣ. Натура ихъ первобытная и грубая, манеры угловаты; подчасъ они способны даже и на разбой; зато у нихъ нѣсколько менѣе лукавства и нѣсколько больше честности и прямоты. Въ религіозномъ отношеніи, они менѣе фанатичны, и соблюденіемъ формальностей религіи занимаются только живущіе въ городахъ. Узбеки раздѣляются на нѣсколько племенъ (до 32), живущихъ частью осѣдло — въ городахъ, частью полуосѣдло—въ деревняхъ, частью кочуя въ переносныхъ кибиткахъ. Въ Самаркандѣ встрѣчаются, по преимуществу, роды: китай, кипчаки, найманы и отличаются (какъ и всѣ узбеки) по невзыскательности своего костюма, состоящаго всегда изъ бумажнаго халата и чалмы, по преимуществу окрашиваемой въ красный цвѣтъ. Съ таджиками они живутъ въ постоянномъ разладѣ, и только немногіе знаютъ персидскій языкъ, такъ же, какъ и грамату.

Таджики суть первоначальные обитатели страны. Они еще во времена доисторическія вышли изъ Ирана, почему слѣды персидской крови замѣтны въ нихъ и донинѣ *).

*) Здѣсь у мѣста будетъ сказано о томъ ошибочномъ представленіи, какое существуетъ отъ смѣшиванія словъ «таджикъ» и «сартъ». Вамбери положительно говоритъ, что одно и то же племя называется въ хивинскомъ ханствѣ—сартами, а въ бухарскомъ и коканскомъ—таджиками. Это мнѣніе, кажется, пріобрѣло право гражданства. Слово «сартъ» стало означать названіе племени, и эта спутанность въ понятіяхъ повлекла къ тому, что и жителей Ташкента, называющихъ себя сартами, стали пріурочивать къ иранскому племени. Но это совершенно ошибочно. Слово «сартъ» первоначально означало не названіе племени, или народа, а названіе рода жизни: человекъ осѣдлый, торгующій, живущій въ городѣ, назывался сартомъ, и это названіе противопоставлялось человеку кочующему, а также и занимающемуся хлѣбопашествомъ. Сартъ—это, по нашему, мѣщанинъ, торгошъ, горожанинъ. Поэтому-то и неудивительно, если ташкентецъ именуетъ себя сартомъ, несмотря на то, что онъ можетъ быть узбекомъ, татаринномъ, киргизомъ, кураминцомъ и пр. Но если спросите ташкентца: не таджикъ ли онъ? вы получите отвѣтъ отрицательный, потому что въ Ташкентѣ таджиковъ нѣтъ вовсе. Съ другой стороны, ходжентецъ на вашъ вопросъ, кто онъ, отвѣтитъ, что онъ сартъ (по роду жизни) и таджикъ (по происхожденію). Ходжентъ есть самый сѣверный пунктъ, до ко-

Отъ
рость
черты
глаза
щегол
азіате
ми об
грама
ленія
шолок
видах
шолок
тому
не ви
остро
(тубе
повяз
кона,
вость
санія
шій
когда
ваютъ
санѣ
они во
лучи
таджи
буйни
беже
сущес
нихъ
шенны
Изд
стей,
легко
образ
ніе, и
ду на
шая ч
новны
въ об
иятн
было
войну
ность
бы, к
Мус
сколы
ни ра
ныхъ
ство.
возмо
ческа
ложил
цовъ,
торато
почему
узбек
читель
ми и
этихъ

Отъ персовъ они унаслѣдовали стройный ростъ (немного выше средняго), пріятныя черты лица, бѣлизну кожи, черныя волосы и глаза. Подобно персіанамъ, они отличаются щегольствомъ въ одеждѣ и утонченностью азіатскаго обращенія. Будучи представителями образованности въ краѣ, они почти все грамотны и свято исполняютъ все постановленія корана; халаты употребляютъ полушолоковые (чисто шолоковые запрещены, въ видахъ уничтоженія роскоши); иногда на шолоковой подкладкѣ (что позволительно, потому что формальность соблюдена: подкладки не видно). На бритой головѣ они носятъ островерхія, шолокомъ расшитыя, шапочки (тюбетейки), а сверхъ нихъ щегольски повязываютъ, не отступая, впрочемъ, отъ закона, бѣлоснѣжный тюрбанъ (чалму). Вѣжливость въ обращеніи также основана на предписаніяхъ закона и состоитъ въ томъ, что младшій долженъ молчать и не противорѣчить, когда говоритъ старшій; равные не перебиваютъ другъ друга въ разговорѣ. Вышему въ санѣ всегда отдается поклонъ; въ собраніяхъ они всегда усаживаются по старшинству. Будучи народомъ по преимуществу коммерческимъ, таджики весьма миролюбивы и уступчивы; буйныхъ наклонностей не проявляютъ: грабежей, убійствъ, даже дракъ между ними не существуетъ. Изъ преступленій случаются у нихъ развѣ только воровство, обманъ, мошенничество, и то весьма рѣдко.

Изъ сдѣланнаго мною обзора національностей, населяющихъ Самаркандъ, читатель легко можетъ усмотрѣть, во первыхъ, разнообразіе элементовъ, составляющихъ населеніе, и, во вторыхъ, взаимный антагонизмъ между народностями, ведущій къ тому, что большая часть населенія должна была желать основныхъ перемѣнъ въ порядкѣ управленія и въ общественномъ устройствѣ. Отсюда понятна та легкость, съ которою совершенно было завоеваніе Самарканда въ послѣднюю войну, несмотря ни на какую многочисленность войскъ бухарскихъ, когда они могли бы, какъ говорится, закидать насъ шапками.

Мусульманство, въ настоящее время, нисколько не служитъ скрѣпляющимъ звеномъ ни различныхъ національностей, ни различныхъ индивидуумовъ, составляющихъ общество. Исламизмъ, хотя и зачерпываетъ всевозможныя проявленія дѣятельности человѣческаго духа и на все предусмотрительно наложилъ свою руку, однако, въ концѣ концовъ, привелъ свои народы къ результатамъ,

гораздо доходить таджикское населеніе, и понятно, почему ходженецъ, если только онъ не знаетъ по-узбекски, не пойметъ ташкентца. Ташкентъ исключительно населенъ узбеками, киргизами, татарами и народностями, происшедшими отъ смѣшенія этихъ племенъ.

прямо противоположнымъ тѣмъ, какихъ онъ достигъ желалъ. Въ настоящее время, куда бы мы ни посмотрѣли, въ какую бы часть мусульманскаго общества ни проникли, вездѣ увидимъ положеніе дѣлъ, напоминающее конецъ Римской Имперіи. Въ семействахъ существуетъ развратъ, своимъ безобразіемъ превосходящій всякое вѣроятіе; дѣти возстаютъ на отцовъ, братья на братьевъ; народъ идетъ противъ правительствъ, правительства противъ хановъ. Просвѣщеніе въ упадкѣ вопіющемъ; несмотря на то, что школы весьма распространены и все почти мужское населеніе обучается грамотѣ, иные даже всю свою жизнь посвящаютъ изысканію мудрости, невѣжество, всетаки, полнѣйшее: здѣсь нѣтъ ни ученыхъ, ни образованныхъ въ европейскомъ смыслѣ слова; все знаніе мудрѣйшихъ ограничивается запоминаніемъ наизусть нѣсколькихъ суръ (главъ) изъ корана, да умѣнемъ читать и писать поперсидски и арабски. И это потомки тѣхъ славныхъ ученыхъ, которые были нѣкогда руководителями даже Европы (врачъ-философъ Авицена *); это наследники тѣхъ важныхъ астрономическихъ исчисленій и открытій, какія были сдѣланы здѣсь (илекхановскія астрономическія таблицы); въ настоящее время, даже слово «алгебра» чуждо имъ. Контрастъ болѣе чѣмъ ужасный! Воспиганіе юношества производится подъ вліаніемъ подавляющихъ принциповъ формалистики и деспотизма: объ оригинальности, смѣлости и самостоятельности не можетъ быть и рѣчи тамъ, гдѣ придавленность и гнилость царствуютъ во всемъ. Администрація находится въ полной гармоніи съ общимъ строемъ жизни: власть исполнительная, судебная, правительственная и духовная сосредоточивается часто въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, почему произволъ и насиліе господствуютъ въ полной мѣрѣ.

Въ концѣ концовъ, общее впечатлѣніе, производимое Самаркандомъ, этимъ священнѣйшимъ городомъ мусульманскимъ, средоточіемъ и раемъ міра (по выраженію мусульманскихъ поэтовъ), можно сравнить съ зрѣлищемъ кладбища. Величественныя зданія старины высіяются точно памятники надъ могилами, памятники, на которыхъ время какъ бы начертало слѣдующую надпись: подъ камнями сими погребены дѣла могучаго народа, проявлявшаго, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, замѣчательную силу и преждевременно скончавшагося. Нѣтъ сомнѣнія, что на этомъ же мѣстѣ снова расцвѣтетъ жизнь, но уже иная, болѣе разумная, чуждая тѣхъ ошибокъ, какія были присущи исламу.

Л. Костенко.

Ташкентъ, декабрь 1868.

*) Въ Азій назывался Абу-Гассан-бен-Абдала-ибн-Сина.